

58
14450

К. Б.

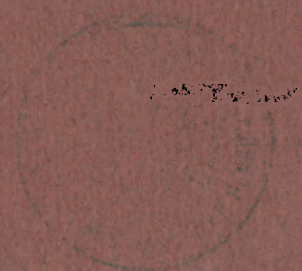
ПРЕДСКАЗАНИЕ ЯСНОВИДЯЩЕЙ.

Что произойдетъ въ Германіи въ концѣ
войны 1914 г.

(СКАЗОЧНЫЙ СОНЪ).

Для чтенія раненымъ и больнымъ воинамъ.
(Чистый доходъ въ ихъ пользу).

ПЕТРОГРАДЪ.
1914

56
14455

130157

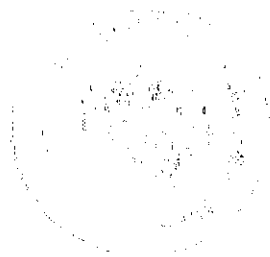
КОНЕЦЪ ГЕРМАНИИ.

(Сказочный сонъ).

Послѣ возвращенія Вильгельма изъ Аахена, а графа Пурталеса изъ Петрограда въ Потсдамъ, произошли большія перемѣны въ настроеніи берлинскаго общества, въ особенности послѣ посѣщенія Франца-Иосифа и курьера изъ Константинополя. Объ этомъ только и говорятъ въ Берлинѣ.

Курьеръ изъ Константинополя: «Генералъ Сандерсъ прислалъ отъ Энверъ-паши письмо, просить немедленныхъ указаній, «что дальше дѣлать»? Передайте кайзеру сейчасъ».

Часовой (графъ Пурталесъ и военный агентъ Эгелингъ за ошибки въ Петроградѣ по очереди поставлены на часы у собственнаго кабинета Вильгельма): «Подождите, потому что послѣ возвращенія изъ Аахена кайзеръ только-что принималъ продолжительное время Франца-Иосифа. Въ Аахенѣ кайзеръ получилъ отъ Бельгійцевъ сильный отпоръ, или, какъ говорятъ въ Россіи, «запоръ». Русскій языкъ я хорошо изучилъ, а Россію также хорошо знаю, какъ Францію и Бельгію. Кайзеръ, пріѣхавъ

изъ Аахена, все время аахаль (тоже русское выраженіе) и теперь аахаеть, несмотря на то, что послѣ приѣма Франца-Іосифа хотѣлъ тотчасъ послать въ Константинополь приказаніе «Гебену» и «Бреслау» прорваться въ Черное море».

Курьеръ: «Однако, у васъ въ Потсдамѣ большія перемѣны въ настроеніи?»

Часовой: «Да, послѣ объявленія войны и возвращенія кайзера изъ Аахена замѣчается большое разстройство, въ особенности по сравненію съ днями до 1-го августа. Лейбъ-медикъ фонъ-Пуфъ говоритъ, что кайзеръ «того» (часовой указалъ на лобъ). Съ тѣхъ поръ кайзеръ по нѣсколько часовъ сидитъ въ собственномъ своемъ кабинетѣ и, чтобы не появляться въ Берлинѣ, гдѣ ему уже никто не вѣритъ, онъ самъ себя обманываетъ и приказалъ на двери кабинета зачеркнуть два нуля, написать «Берлинъ» и свои инициалы (W. N. Вильгельмъ Гогенцолернъ). Живетъ теперь нашъ кайзеръ какъ-то странно: сидя подолгу въ кабинетѣ, самъ съ собою говоритъ и аахаеть, потомъ вдругъ раздается рѣзкій звукъ «трахъ, трахъ нахъ Остенъ». Я думаю, онъ запоминаетъ по русски «дрангъ, дрангъ нахъ Остенъ». Затѣмъ слышенъ крикъ: «бомбардируйте, стрѣляйте...», послѣ чего снова жалобно заносетъ: «аахъ, аахъ»... Я ему совѣтывалъ не объявлять войны и тѣмъ болѣе не ѣздить въ Аахенъ и говорилъ будете потомъ аахать а онъ все махаль рукой и повторялъ «я—Бонапартъ двадцатаго вѣка, Deutschland überall! (дейчландъ юбераль) Drang nach Westen und nach Osten!» Онъ

не послушалъ меня, и вотъ теперь у насъ въ Германіи «общій, выражаясь по русски, запоръ», даже Францъ-Іосифъ помочь не могъ». (Часовой задумался).

Часовой: «Да! Мой другъ курьеръ, когда я, батенька (это тоже у насъ въ Петроградѣ такъ говорятъ), былъ посломъ въ Петроградѣ, то мы вмѣстѣ съ нашимъ военнымъ агентомъ Эгелингомъ все хорошо организовали: лѣсные пожары, забастовки и въ Баку чуму. Я хорошо знаю русскую армію, а Эгелингъ спеціально изучалъ «крючковъ». Французовъ и бельгійцевъ тоже мы оба знаемъ еще лучше, чѣмъ нашъ большой генеральный штабъ. Мы, нѣмцы, все знаемъ».

Курьеръ: «Скажите, пожалуйста, господинъ Пурталесъ was ist das «krutchkoff?»

Часовой: «О, какъ вы, турки, плохо знаете исторію, а вѣдь еще съ 1849 года мы съ Мольтке васъ просвѣщаемъ и вы до сихъ поръ не знаете, что такое «русскій крючковъ»? Въ древности ихъ было очень много и по-гречески они назывались «центавры», по-татарски «кайсаки», по-нѣмецки «крючковъ», а Наполеонъ ихъ называлъ «казаки». Это объ нихъ говорилъ онъ: «дайте мнѣ казаковъ и я завоюю весь міръ!». Нашъ кайзеръ очень часто говоритъ съ народомъ: «дѣти я завоюю весь міръ», но онъ забываетъ, что его дѣти не «крючковы». Въ Россіи ихъ такъ называютъ: «Козьма Донской крючковъ, Иванъ Терскій крючковъ, Илья Кубанскій крючковъ, Митрофанъ Уральскій крючковъ, Оренбургскій, Сибирскій, Семирѣченскій, Забайкаль-

скій, Астраханскій, Амурскій и др.». Это все крючковы.

Курьеръ: О, господинъ часовой, какъ это вы хорошо знаете, вы вѣдь прежде назывались, кажется, «тевтонами или кимврами?»

Часовой: «Кто это вамъ сказалъ?»

Курьеръ (улыбаясь): «Нашъ младо-турецкій комитетъ тоже все знаетъ отъ вашихъ инструкторовъ, но вотъ о крючковыхъ что-то умалчивалось. Что-же это такое: люди или что-нибудь особенное, и гдѣ эти крючковы водятся?»

Часовой (призадумавшись): «Это не то что люди а это «всадники». Въ Берлинской академіи ихъ такъ тоже называютъ «vssadniki». Они, по увѣренію Эгелинга, появляются на свѣтъ Божій верхомъ на лошади съ пикой и нагайкой въ рукахъ, а Терскіе и Кубанскіе крючковы съ княжаломъ въ зубахъ. Эгелингъ и я ихъ видѣли въ Петроградѣ, въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ они «джигитуютъ», то есть вертятся на лошади, какъ волчки, иногда по два и по три вмѣстѣ, лошадь скачетъ во весь духъ, а они играютъ въ карты, стрѣляютъ, вмѣстѣ съ лошадыю падаютъ на землю, будто убитые и т. п. Эгелингъ рассказывалъ, что «крючковы» водятся (отъ русскаго слова вода) по берегамъ рѣкъ Дона, Кубани, Черка, Урала и др. Родятся они всегда въ темную, непроглядную, бурную ночь, и потому они видятъ ночью, какъ кошки, а днемъ, какъ орлы. Изъ-за того, что они родятся изъ рѣкъ, да еще въ туманную ночь, Эгелингу не удалось ихъ пересчитать, онъ говоритъ.

что ихъ «20 тысячъ» или «300 тысячъ», а, можетъ быть, и 400 тысячъ, у нихъ съ лѣвой стороны растетъ «чубъ», и, какъ мнѣ рассказывалъ одинъ изъ фабрикантовъ, наблюдавшихъ за «крючковыми» во время усмиренія забастовокъ, что «крючкова» можно поймать только за «чубъ», иначе онъ неуловимъ. Родятся «крючковы» цѣлыми сотнями или тучами, которыя называются «лава», и стоитъ только представить букву с, какъ уже получается «слава». У нихъ и команда есть: «строй лаву», по этому крючковы всегда и думаютъ о славѣ, имъ это легко. Послѣ этой команды крючковы начинаютъ стрѣлять съ лошадей и разливаются передъ непріателемъ такъ, что напоминаютъ лаву, вытекающую изъ Везувія. Затѣмъ кто нибудь орлинымъ клеткотомъ закричитъ волшебное слово «гикъ» и вся лава стремительнымъ потокомъ обрушивается на непріателя. Эгелингъ доносилъ объ этомъ изъ Петрограда, что такъ было сто лѣтъ тому назадъ, когда «крючковы» спасали Берлинъ отъ наполеоновскаго ига, но что теперь они только «джигитуютъ» въ Михайловскомъ манежѣ и поютъ разныя пѣсни: «Всколыхнулся, взволновался православный тихій Донъ...», «Жизни тотъ одинъ достоинъ, кто на смерть всегда готовъ...». «Повели намъ Царь Родимый, двинемъ небомъ и землей...».

Терскіе-же и Кубанскіе крючковы поютъ «Аллаверды! Господь съ тобою...» и проч., кромѣ того, танцуютъ какой-то балетный танецъ «лезгинку» съ книжками въ зубахъ. Эгелингъ все это записалъ».

Курьеръ: «Какъ много интереснаго, господинъ Нурталесъ, вы замѣтили въ Петроградѣ. Я думаю, вы мнѣ можете объяснить, какъ случилось, что Козьма Донской крючковъ одинъ изрубилъ вашихъ одиннадцать драгунъ? Онъ, вѣроятно, все время джигитовалъ?»

(Изъ кабинета кайзера раздалось «Аахъ! Аахъ!»).

Часовой: «Эгелингъ объясняетъ этотъ случай, какъ и атаку кавалеріи на нашу пѣхоту подъ Столупяненомъ тѣмъ, что у Козьмы была «дѣдовская» шашка и пороховница, въ которой была «лава», и какъ только Козьма увидѣлъ нашихъ драгунъ, онъ тотчасъ открылъ пороховницу, изъ которой полилась лава и поднялся «дѣдовскій духъ», шепнувшій крючкову волшебное, дикое слово «гикъ!». Козьма не могъ удержать своего коня, который ринулся съ нимъ впередъ, шашка сама выскочила изъ ноженъ и начала по-дѣдовски рубить «съ плеча».

У крючковыхъ есть даже особая поговорка: «коль рубить, такъ ужъ съ плеча». Это тоже у Эгелинга записано, но объ этомъ мы кайзеру не доносили, потому что думали, что въ ХХ вѣкѣ «какой-то» «дѣдовскій духъ», дѣдовскія шашки и пороховницы значенія имѣть не могутъ. Теперь царить на поляхъ сраженій ураганный огонь артиллеріи и пулеметы, а дѣдовскія шашки и пороховницы крючковыхъ не больше, какъ музейныя вещи».

Курьеръ: «Скажите, пожалуйста, господинъ Нурталесъ, что это такое волшебный дѣдовскій духъ и дѣдовскія шашки, гдѣ они выдѣлываются?»

Часовой (съ раздраженіемъ): «Однако вы, батенька курьеръ, довольно непонятливы. Я вѣдь вамъ уже говорилъ, что крючковы появляются на свѣтъ Божій съ шашкой, пикой и на конѣ, непремѣнно въ темную, туманную ночь изъ рѣки Дона, который течеть «Встепяхъ», а Терекъ «Вгорахъ». Это тоже русскія слова не переводимыя на нѣмецкій языкъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, донесли мнѣ наши шпионы-фабриканты въ Москвѣ и въ Петроградѣ. «Встепяхъ» и «Вгорахъ»—это тамъ, куда кайзеръ хочетъ вести своихъ дѣтей, нахъ Остенъ».

Курьеръ: «Теперь я понимаю, почему вашъ кайзеръ всегда говоритъ съ балкона «дрангъ нахъ Остенъ», онъ, вѣроятно, хочетъ побывать «Встепяхъ» и «Вгорахъ». Это очень интересно!»

Часовой: «Ничего особеннаго нѣтъ. Эгелингу донесли наши шпионы, побывавшіе «Встепяхъ», что тамъ только растеть какая-то трава «ковыль» и летаютъ орлы, да на горизонтѣ, но очень далеко, далеко, такъ что въ бинокль Цейса едва видно какіе-то бѣлые домики, возлѣ которыхъ двигаются цѣлыми тучами крючковы и тоже джигитуютъ. Ихъ дѣдовскія шашки и пороховницы, какъ говорятъ, висять на стѣнкахъ и жены крючковыхъ дѣлають прически, глядя вмѣсто зеркала въ шашки, куда и сами крючковы смотрять, когда причесываютъ свои «чубы». Эти домики называются «станции». но шпионъ туда побоялся идти, говорятъ, тамъ «дѣдовскій духъ и нагайки» никого не пускають, даже никто изъ нашихъ фабрикантовъ въ станцияхъ не

быль, боялся, такъ какъ все равно никакого процента не наживуть, потому что крючковы все сами себя дѣлають, какъ ихъ дѣды».

Курьеръ: «Неужели даже ваши фабриканты тамъ не были? Послушайте, господинъ Пурталесъ, значить «Встепяхъ» и «Вгорахъ» нѣтъ никакой культуры?»

Часовой: «Абсолютно никакой и даже Наполеону не удалось туда дойти, но теперь нашъ кайзеръ собирався побывать «Встепяхъ» и «Вгорахъ», онъ все уже разсчиталъ: карту начертилъ, приказалъ своему генеральному штабу намѣтить все пути для австрійскихъ корпусовъ и нашихъ нѣмецкихъ въ походѣ «нахъ Остенъ».

Кайзеръ даже подготовилъ весь мѣръ къ тому, что «дрангъ нахъ Остенъ» ни за что не отмѣняется и всехъ убѣдилъ, что Европу ждетъ «желтая опасность» съ востока, думая, что и Россія повернетъ голову на востокъ и все время туда будетъ смотрѣть. Я ему говорилъ, что едва ли Россія будетъ все время смотрѣть на «желтую опасность», она теперь тоже зоркая стала и поумнѣла. Русскіе «камаринскіе» (это такъ называются по-русски граждане) прежде пили водку (по-нашему шнапсъ), какъ воду, а теперь наоборотъ, теперь стали воду пить, какъ прежде водку. Я объ этомъ тоже говорилъ кайзеру. Онъ не повѣрилъ. Я ему говорилъ, что всю воду вынули, даже нечѣмъ было тушить лѣсныхъ пожаровъ, а кайзеръ говорить, что я ничего не понимаю.

(Вдругъ растворилась дверь кабинета и на порогѣ появился кайзеръ въ бѣломъ халатѣ, подпоясанный широкимъ изъ желтой кожи ремнемъ, въ желтыхъ ботфортахъ до колѣна и въ желтымъ кожанымъ шлемѣ на головѣ съ надписью: «Бонапартъ XX вѣка». Въ правой рукѣ былъ широкій мечъ съ надписью «дрангъ нахъ Остенъ!»).

Кайзеръ (высоко поднимая мечъ, обращается къ дрожащему Пурталесу): «Лѣнивый рабъ! Я тебѣ далъ одинъ талантъ, а ты и его не сохранилъ¹⁾. Старая песочница! Не я ли тебѣ приказывалъ, чтобы ты чаще пилъ чай съ русскимъ военнымъ министромъ «Сослуходлинымъ», а ты у себя чай распивалъ съ Дономъ Шлобитеномъ. Я тебѣ говорилъ, слѣди за «Слуходлинымъ», онъ хорошо все видѣлъ и слышалъ, недаромъ и фамилія его такая, ничего нѣмецкаго не напоминающая, а ты, хотя и Пурталесъ, по къ «Слуходлинному» не пролѣзъ.

Часовой (оправившись отъ испуга): «Винювень не я, а Эгелингъ и Дона Шлобитень. Я—ученикъ Бисмарка и водилъ всѣхъ за носъ, одно время даже самого себя, а вотъ они двое всюду вертѣлись и ничего не знали. Я имъ совѣтывалъ побывать у Рененкампа, а они говорили «пограничное» мы все знаемъ, тамъ нѣмецкіе агенты шныряютъ по всѣмъ дорогамъ, гдѣ гонять гусей въ Пруссію. Я вамъ, господинъ кайзеръ, говорилъ, что графъ Дона

¹⁾ Кайзеръ послѣ путешествія въ Малестину предположилъ, что въ него вѣдился апостольскій духъ, но всей вѣроятности, духъ Искаріота.

Шлобитенъ не годится для своего поста, онъ не for blut нѣмецъ, онъ мало пива пивалъ и не ѣлъ гороховой колбасы. Вѣдь я доносилъ, что «крючковы» его называли «Съ Дона шелъ битымъ». Это у Эгелинга было записано въ Красномъ Селѣ на маневрахъ. Онъ слышалъ самъ, какъ «крючковы» такъ называли графа. Вы тогда мнѣ сказали: «Это неправда, я исторію хорошо знаю и никогда ни одинъ нѣмецъ съ Дона не шелъ битымъ».

Кайзеръ: «Это вздоръ, дойду до Дона, перешагну черезъ него, черезъ Волгу, Уралъ, Туркестанъ, Китай и остановлюсь на Сахалинѣ. Тамъ сяду на Цеппелинъ и опущусь въ Нью-Йоркъ, гдѣ и подпишу миръ съ Небомъ. Тогда всѣ народы воскликнутъ вмѣстѣ съ пѣмцами: «Готъ мить унсъ!», а я съ Цеппелина въ отвѣтъ: «Deutschland Uberall!». Недаромъ я Бонапартъ XX вѣка и одѣлъ мои корпуса въ желтые сапоги,—«побѣда въ ногахъ». Наполеонъ каждую ночь является мнѣ въ 12 часовъ, когда барабанщикъ пробьетъ тревогу. Я тогда встаю съ постели, а Наполеонъ изъ гроба и мы оба ходимъ взадъ и впередъ. 18-го іюля передъ объявленіемъ войны Наполеонъ былъ у меня въ 12 часовъ ночи и сказалъ: «Ты мой преемникъ, я кончилъ мой культурный путь сто лѣтъ тому назадъ подъ Ватерлоо, ты, Бонапартъ XX вѣка, начни свой путь отсюда, съ полей Ватерлоо'», и не забудь одѣть свои войска

1) Теперь понятно всему міру—почему кайзеръ, объявивъ войну Россіи 19 іюля, бросилъ свои корпуса въ Вельгю къ Ватерлооскому полю. Признаки душевной болѣзни на лицѣ.

въ желтые сапоги, «побѣда въ ногахъ», и въ этомъ опасность для Европы. Она ждетъ ее» съ востока, а ты используй «элементъ внезапности» и этимъ побѣдишь. Надѣйся на себя и на Франца-Иосифа, да на желтые сапоги своихъ гренадеръ, которымъ чаще говори съ балкона «Drang nach Osten». Русскихъ не бойся, они прежде умѣли воевать фронтомъ на западъ, но послѣ войны на Дальнемъ Востокѣ, они все время будутъ туда смотрѣть, штыки ихъ туда направлены. Наполеонъ мнѣ еще много говорилъ и, между прочимъ, приказалъ, чтобы я отъ Ватерлоо привелъ своихъ Бранденбургскихъ гренадеръ въ Парижъ и тамъ, поклонился-бы его могилѣ во дворцѣ Инвалидовъ въ 12 час. ночи, но предварительно барабанщикъ долженъ пробить тревогу. Тогда изъ гроба встанетъ Императоръ и тѣнь его будетъ сопровождать мой побѣдный путь. Вотъ обдуманый мой планъ, вдохновенный мнѣ въ полуночныхъ видѣнiяхъ самимъ Наполеономъ. Послѣднiя его загробныя слова были: «Мужайся, великiй воинъ, тебѣ судьбой повелѣно совершить то, чего я не додѣлалъ, ты завоеватель всего мiра, ты Бонапартъ XX вѣка! Вѣщай это всѣмъ народамъ съ балкона и съ высоты полета на Цеппелинѣ!»

(Кайзеръ высоко поднялъ свой мечъ, устремилъ глаза къ небу и медленнымъ шагомъ пошелъ къ балкону, чтобы обратиться съ рѣчью къ народу, но въ этотъ моментъ вошелъ гр. Мольтке и тревожно обратился къ кайзеру).

Мольтке: «Über Kaiser! (такъ приказалъ себя называть Вильгельмъ послѣ объявленiя войны) рус-

скіе творять что-то, не принятое нашимъ генеральнымъ штабомъ въ расчетъ, они уже подходятъ къ Берлину; полчища «крючковыхъ» уже разлили свою «лаву» по всей Пруссіи. Повидимому, они открыли всѣ дѣдовскія пороховницы и «дѣдовскій духъ» работаетъ ихъ «дѣдовскими шашками». Народъ ждетъ вашего слова.

Кайзеръ (спокойно опустивъ свой мечъ, оперся на него правымъ локтемъ и отодвинулъ шлемъ на затылокъ): «Не теряй головы, мой вѣрный рабъ Мольтке, скажи мнѣ, сколькимъ народамъ я уже объявилъ войну?»

Мольтке: «Двадцати языкамъ, господинъ Über Kaiser!»

Кайзеръ: «Значить силы ихъ тобою учтены?»

Мольтке: «Итогъ точно подведенъ, но вашъ Большой генеральный штабъ считалъ только Россію, а изъ полученныхъ донесеній видно, что подъ команду Верховнаго Главнокомандующаго пошло «Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Царство Казанское, Астраханское, Сибирское и проч., и проч...». Имъ вы войны не объявляли, потому что Эгеллингъ сообщилъ, что въ Россіи не мобилизація, а революція. Теперь ясно, что телеграфъ перенуталъ эти слова».

Кайзеръ: «Для тебя ясно, но для меня ничего не ясно. Одно лишь я вижу, что народу моему необходимо немедленно помочь морально, о немъ я буду заботиться всей душой, несмотря на то, что душа моя уже давно болитъ, а потому, Мольтке,

используй «элементъ времени» и пошли Сандерсу сейчасъ-же приказъ, чтобы Турція объявила войну: Царству Грузинскому, Греціи и Швеціи, а я объявлю войну князю Монакскому».

«Принципъ Бисмарка—«жельзо и кровь» долженъ быть выдержанъ до конца».

(Мольтке послѣшно ушелъ, зная, что кайзеръ, проведя «жельзную дисциплину» въ управленіе страной, все равно потребуетъ исполненія приказа, какъ бы онъ глупъ ни былъ. Кайзеръ вышелъ на балконъ и увидѣлъ огромную толпу народа, которому онъ уже два часа ничего не говорилъ съ балкона).

Кайзеръ: «Дѣти! Я знаю, что вы уже давно голодаете, но не забывайте, что въ васъ течетъ кровь тевтоновъ и кимвровъ, которыхъ удалось побѣдить только римскому консулу Марію. Это было на Раудинскихъ поляхъ близъ Верцея въ 101 году до Рождества Христова. Съ тѣхъ поръ никто тевтоновъ не побѣждалъ, потому что они довольствовались малымъ, а умѣютъ дѣлать много. Исторія тому свидѣтель, ея страницу я уже приподнялъ, чтобы завтра перевернуть. Успѣхъ не за горами! «Готъ митъ унсъ, Германія боится только одного Бога!» Пока мечъ въ моей рукѣ, вамъ нечего бояться, и, если нѣтъ пива и колбасы, пейте кровь, она питательна, ея лечатъ всѣ передовые врачи, Германія впереди всѣхъ народовъ земныхъ.

Я тоже даю облегченіе моей больной душѣ, когда пью глотокъ крови, подаваемой мнѣ на жельз-

номъ блудѣ. Мужайтесь, дѣти мои, побѣда близка! Въ писаніи сказано: «перекуйте рала на мечи и побольше ими бряцайте!» Спѣшите же, дѣти мои, къ вашимъ раламъ и бряцайте все время. Я двадцать пять лѣтъ бряцаю и успѣхъ всемірный. Бряцайте же и вы съ остервенѣніемъ и не забывайте бряцать! Кричите «дрангъ нахъ Остенъ» и бряцайте. Дейчландъ Übera! Hoch!»

(Толпа, вдохновленная словами съ балкона, долго кричала гохъ! Но уже многіе изъ бюргеровъ выкрикивали Охъ! охъ!

Кайзеръ все время салатовалъ мечомъ, дѣлалъ имъ приемы рубки и уколовъ, казалось, что онъ кого-то рубить и наноситъ уколы. Подошелъ генераль баронъ фонъ-деръ-Гольцъ и подалъ кайзеру окровавленный пакетъ).

Баронъ фонъ-деръ-Гольцъ: «Сейчасъ прискакалъ гонецъ изъ Берлина съ этимъ пакетомъ».

Кайзеръ (разрѣзавъ пакетъ концомъ меча, громко читаетъ): «Прошу васъ пожаловать на обѣдъ въ вашъ дворецъ въ Берлинѣ, гдѣ я теперь пью кофе. Рененкампфъ».

(Усы кайзера опустились внизъ, на мгновеніе онъ бросилъ испытующій стальной взоръ въ глаза фонъ-деръ-Гольца, но, быстро придя въ себя, передалъ пакетъ вошедшему графу Мольтке).

Мольтке: «Извѣстіе неожиданное, требующее провѣрки».

(Со стороны Берлина доносятся звуки исполнискаго хора ибсенниковъ и военныхъ трубъ, весь

Потсдамъ обратился въ слухъ и смотреть въ сторону Берлина. На балконъ прибѣжали Пурталесъ, Дона-Шлобиттенъ и Эгелингъ).

Пурталесъ (поспѣшно): «Знакомые звуки, кажется, изъ какой-то оперы, которую мы слышали съ Эгелингомъ и гр. Шлобиттенъ въ Петроградѣ».

Эгелингъ (вынимая свою записную книжку, читаетъ): «Это поютъ «Славься, славься нашъ Русскій Царь, Господомъ данный намъ Царь, Государь». Это изъ оперы «Жизнь за Царя». Шаляпинъ поетъ въ роли Сусанина. Онъ же поетъ и Мефистофеля. У меня это все записано, господинъ кайзеръ».

Кайзеръ: «Что же ты думаешь, что это ѣдетъ Шаляпинъ съ хоромъ и поетъ? Подать подзорную трубу. Наполеонъ въ трудныя минуты всегда смотрѣлъ въ подзорную трубу». (Кайзеръ смотритъ въ сторону Берлина въ трубу).

Мольке: «Нашъ генеральный штабъ доискался причинъ—почему Наполеонъ потерпѣлъ неудачи, когда онъ ушелъ изъ Москвы 9-го октября 1812 года. Онъ, вѣроятно, забылъ въ Кремлевскомъ дворцѣ подзорную трубу».

Эгелингъ: «Русскіе въ Петроградѣ говорятъ, что Бонапартъ шелъ безъ оглядки, растерявъ свои подвязки. Это у меня тоже записано».

Дона-Шлобиттенъ: «Совершенно не потому онъ шелъ безъ оглядки, а потому, что во время пожара Москвы Бонапарту дымъ испортилъ зрѣніе, а Рустемъ позабылъ взять подзорную трубу, когда пере-

возили вещи изъ кремля въ церковь. Это я узналъ во время юбилейныхъ торжествъ Отечественной войны въ Москвѣ. У меня это тоже записано, это историческій фактъ».

Кайзеръ (быстро повернувшись къ Шлобиттену, передаетъ ему подозрительную трубу и, ослѣпленный гениальной мыслью, говоритъ, совершенно безумно вращая глазами):

«Въ подозрительную трубу ясно видно, что къ Посто-даму изъ Берлина подходятъ тучи «крючковыхъ», о которыхъ доносилъ Эгелингъ, они и поютъ «Слався, слався и т. д.», а за ними ясно видна фигура Верховнаго Главнокомандующаго. Я чувствую, что духъ Бонапарта не можетъ бороться противъ дѣдовскаго духа крючковыхъ, противъ дѣдовскаго духа русскихъ полчищъ». Я нашелъ другое средство. (Обращается къ фонъ-деръ-Гольцу). Фонъ-деръ-Гольцъ, я тебя называю «Ростопчинимъ», поджигай Берлинъ. Подать мнѣ «Цепелинъ». (Моментально подлетаетъ къ балкону дирижабль «Цепелинъ», управляемый самимъ графомъ. На флагштокъ развѣвается бѣлый флагъ съ надписью: «Ноевъ Ковчегъ»). Кайзеръ вошелъ въ гондолу, приказавъ съѣсть своей свитѣ и взявъ съ собою семь чистыхъ пѣмцевъ и семь нечистыхъ, десять дрессированныхъ утокъ для разбрасыванія по Германіи извѣстій о побѣдахъ австро-германскихъ войскъ и редактора этихъ извѣстій, личнаго секретаря кайзера Дреймальвраль).

Гр. Цепелинъ: «Куда прикажете летѣть, господинъ кайзеръ?»

130/157

Кайзеръ (съ раздраженіемъ): «Подожди ты, старая ворона, тебѣ только бы летать да каркать, что лучше Ценнелиновъ ничего вѣтъ, а такого, какъ «Нилью Муромца», выдумать не могъ? Фонъ-деръ-Гольцъ, давай сюда нѣсколько голубей съ пальмовыми вѣтками и донесенія присылай мнѣ тоже съ голубемъ. До свиданія. Отчаливай. Дрангъ нахъ Остенъ!»

(Дирижабль взвился въ воздухъ, направляясь на востокъ. Казаки и русскіе витязи вступили въ Потсдамъ съ пѣніемъ «Слався, слався нашъ Русскій Царь», и прослѣдовали дальше къ Рейну, въ голубыхъ водахъ котораго напоили своихъ коней¹⁾). На дирижаблѣ кайзеръ помолчалъ не болѣе получаса и когда увидѣлъ вблизи, что Берлинъ, подожженный новымъ Ростопчинымъ, запылалъ, кайзеръ написалъ Рененкампу записку, адресовавъ ее во дворецъ въ Берлинъ: «Ѣду обѣдать въ Петроградъ. Кайзеръ Вильгельмъ». Записку бросилъ внизъ на площадь, а затѣмъ обратился къ своимъ спутникамъ).

Кайзеръ: «Умъ человѣческій не имѣетъ предѣловъ тогда, когда небо награждаетъ человѣка гениальностью. Мы теперь разстались съ землей и поднимаемся къ небесамъ. И вижу на вашихъ лицахъ смущеніе, но не забывайте слова Суворова, отецъ котораго былъ прусскимъ намѣстникомъ и набрался ума у нѣмцевъ. Суворовъ говорилъ: «каждый воинъ

¹⁾ Въ то же время на лѣвомъ берегу Рейна появились лошадей французы, англичане и бельгійцы.

долженъ понимать свой маневръ», и я посвящу васъ въ дальнѣйшій мой планъ. Камилль Фламмаріонъ высказалъ мысль, что «пространство» состоитъ изъ безчисленныхъ «міровъ» разной плотности, поэтому есть полная вѣроятность, что мы встрѣтимъ облака, на которыхъ, въ крайнемъ случаѣ, можемъ водрузить германскій флагъ. Это будетъ новая германская колонія вмѣсто потерянныхъ въ Африкѣ Камеруна и прочихъ. Графъ Цеппелинъ, теперь тебѣ понятна моя гениальная идея. (Спутники кайзера, чистые и нечистые нѣмцы, стояли въ оцѣненіи уже больше не сомнѣваясь, что ихъ кайзеръ давнымъ давно гениальный душевно-больной, но желѣзная дисциплина сковала ихъ уста. Первымъ заговорилъ гр. Цеппелинъ).

Гр. Цеппелинъ: «Какой курсъ держать?»

Кайзеръ: «Дрангъ пахъ Остенъ и выше, скорѣе въ облака, а то съ земли насъ замѣтили и открыли огонь. Мы уже пролетаемъ восточные предѣлы ненавистой мнѣ Польши и помчимся надъ княжествомъ Литовскимъ, которому, хотя и не успѣлъ я объявить войны, но надъ Вильной поднимайтесь значительно выше, потому что это резиденція Рененкампа».

(«Поевъ Ковчегъ» XX вѣка поднялся въ безпредѣльную заоблачную высь, а кайзеръ все кричалъ «выше и выше»).

Гр. Цеппелинъ: «Господи кайзеръ! Выше летѣть нельзя, температура слишкомъ понизилась. Мы можемъ замерзнуть».

Кайзеръ: «Дейчландъ überal! Развивайте наибольшую быстроту, я вижу густыя облака впереди! Мы приближаемся. Почему сдаете ходъ, вы видите облака насъ окружаютъ. Что случилось?»

(Дирижабль почти остановился на краю огромнаго облака).

Гр. Цеттелингъ: «Бензину больше нѣтъ».

Кайзеръ (вкладывая мечъ, беретъ въ руки германскій флагъ и дѣлаетъ рѣшительный шагъ, желая стать на облако):

«Объявляю вновь завоеванную германскую колонию, называю ее землей Гогенцолерна. Нощ! Дрей-мальвраль, выпускай очередную утку о завоеваніи».

(Съ этими словами кайзеръ разстался съ дирижаблемъ и ринулся внизъ, тотчасъ скрывшись въ облакъ. За нимъ бросился, скованный желѣзной дисциплиной, докторъ фонъ-Пуфъ).

* * *

На утро 25-го декабря проснувшіеся сторожа дома душевно-больныхъ на Удѣльной близъ Петрограда нашли на площадкѣ передъ подъездомъ германскій флагъ и безформенную окровавленную массу, въ которой сохранилось лишь: желтый шлемъ съ надписью: «Бонапартъ XX вѣка», сапоги съ надписью «желтая опасность», кожаный поясъ и мечъ съ надписью: «дрангъ нахъ Остенъ».

Такъ всему свѣту открылась причина міровой войны 1914 года, началъ которую душевно-больной кайзеръ Германской Имперіи. Онъ сошелъ со сцены,

доведя Германію и Австро-Венгрію до гибели, послѣ чего и водворился міръ въ Европѣ.

Воздушный «Ноевъ Ковчегъ», унесенный вѣтромъ, очутился на вершинѣ «Большого Арарата», гдѣ онъ зацѣпился гондолой за скалу. Пассажиры ковчега и семь чистыхъ и нечистыхъ нѣмцевъ — всѣ были мертвы, а на скалѣ въ предсмертной агоніи лежали нѣмецкій генералъ Сандерсъ и около 150 инструкторовъ-нѣмцевъ, бѣжавшихъ изъ Турціи послѣ занятія Константинополя соединенными эскадрами Англіи, Франціи и русской-черноморской. Страница новой исторіи повернулась.

К. Б.